

Николай ОЛЬКОВ

Верните белых лебедей

Повесть

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2024

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44
О56

Серия основана в 2024 году

Ольков, Н. М.

О56 Верните белых лебедей : повесть / Николай Ольков. — Минск :
Четыре четверти, 2024. — 164 с. — (Серия «Современная проза»).

ISBN 978-985-581-689-9.

Главный герой повести «Верните белых лебедей» Родион Бывакин после долгого отсутствия возвращается в родное село, где ждёт его мама. Плачевное состояние деревни, в которой прошло детство, всколыхнуло желание дать ей новое дыхание. Ведь теперь у него есть финансовые возможности...

А впервые читатель встречается с Родионом в колонии для несовершеннолетних, куда он попал за драку. Позже судьба распорядилась с ним ещё круче... Доставшийся от вора в законе, с которым отбывал наказание, большой капитал позволил Родиону участвовать в приватизации. Теперь Бывакин — крупный заводчик и строитель.

Однако ничто не спасает его от душевной неудовлетворённости. Только возвращение на малую родину вселяет надежду на новый поворот в жизни и воссоединение с любимой женщиной. Он мечтает, чтобы и белые лебеди вернулись на деревенское озеро...

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-689-9

© Ольков Н. М., 2024
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2024

— Бывакин, сразу после развода зайди к начальнику по воспитанию!

Сухопарый дневальный выкрикнул и повернулся к тумбочке. Старший по бараку, одетый в приличную тюремную робу с повязкой на руке, ткнул кулаком дневальному в лицо:

— Сколько вас учить, чтобы правильно выговаривали? Ты его ещё гражданином или товарищем назови. У всех вас только одно прозвание: зек, заключенный. Повтори приказ!

— Понял. Все мы с одним прозванием...

— Дурак! — он ещё раз легонько ткнул в ухо, а дневальный уже до того вытирал кровь, которая сиротливо капала на грудь замызанной куртки. — Повтори по Бывакину!

— Понял! Заключённый Бывакин, после развода к начальнику по воспитанию!

— Вот так! Бывакин, ты понял? Тебя переведут в настоящую колонию, это тебе не малолетка. Я бы тебе дал наколочку, готовь пузырь, скажу, кому в ноги пасть, тогда жить будешь, а если как тут начнёшь пальцы гнуть, головёнку завернут сразу, как курёнку. Иди.

Бывакин прошёл быстрым шагом, голова приподнята, лицо безразличное, но настороженное, стрижен наголо, свежие розоватые шрамы украшают голову с обеих сторон, лицо скуластое, нос подправлен чуть влево, глаза серые, внимательные, губы плотно сжаты, а за ними скрыты проёмы от трёх зубов, потерянных за два неполных года в детской колонии. О скором переводе «в настоящую колонию» он знал, потому что исполнилось восемнадцать лет, а в «детском садике» дальше не держат. Там ему отбывать ещё два года.

Развод занятий окончился быстро, отряды неровными колоннами пошли в столярку, в пошивочный цех, только одна колонна свернула в столовую. Есть будут по очереди, последним может не хватить, тогда у столовки поднимут крик, прибегут начальник столовой и дежурный по зоне, могут выдать несколько булок хлеба и кусок маргарина. А могут и не выдать, могут построить и отправить на работу. И такое бывало. На тот случай у каждого зека есть в заначке кусочек хлеба — подсохший, пахнущий мышами и махоркой, но — хлеб, его ничем не заменишь.

— Бывакин! Родя! — земляк, из одного района, Толя Фрол, подбежал, лицо в слезах. — Сказали, что вас семерых повезут на зону. Я тосковать буду один-то. Полгода ещё. Прощевай, может, доведётся встретиться.

Начальник всем семерым объявил о переводе, предупредил, что в лагере с ними цацкаться не будут, там правила строже.

— Ну да, мы тут как в пионерском лагере жили, — усмехнулся здоровый мордатый паренёк.

— Ребята, я вам прямо скажу: зона та не самая благополучная, произвола много, так что держитесь ближе к администрации, — по-товарищески советовал майор.

— Это как, в стукачи сразу записываться? — парень откровенно лез на рожон.

— Ну вот, Кожин, опять ты бузишь. Не в стукачи, а нужную информацию о настроениях в бараке сообщить — твой долг. Понял?

— Долгов не имею, гражданин начальник, за долги и перо могут вставить.

— Ну, с тобой, Кожин, говорить бесполезно. Хочу Бывакину подсказать. Ты парень толковый, но гордыню смирить придётся. Есть в отряде начальник, есть авторитет, они следят за порядком, и тут никуда не погрёшь. Молчи, но делай, что велено. Не перечь. Если что, то и администрация не поможет. Говорю вам это, ребята, потому что жалко вас. Самое главное — не потеряйте себя, не купитесь на обещания сладкой жизни на воле. Всё, свободны.

На сборы осталось часа четыре, этап будет в двенадцать, так что пожрать уже не удастся, а на новом месте хлебом-солью встречать вроде бы не должны. Родион собрал котомку и ушёл за столярку,

в стороне навалены стружки и опилки, прилёт, чтоб не видно было от барачков. Почти два года здесь, а так и не привык. Другими не обзавёлся, а врагов нашёл быстро. На первой же неделе угодили в штрафной изолятор, потому что троих избил подвернувшейся арматуриной. Те его повоспитывать подловили, тоже не с пустыми руками, а он крутанулся на месте и кусок железа словил, а с такой снастью быстро всех троих уработал. Кто-то свистнул, разбираться не стали, ты бил, ты и виноват.

Родион понимал, что доказать ничего не сможет, как и дома, в той драке, за которую получил четыре года по малолетке. Да, складешок из кармана выдернул, но даже раскрыть не успел, свалил его верзила из старших классов, который проходу не давал, всё выблядком звал. Он не понимал смысла, но грязь этого слова чувствовал, кинулся к матери, она вытирала его и свои слёзы и шептала: «Терпи, сынок, наше горе, нам и переживать. Не гневи людей, прощай им обиды, ребятишки подразнят да забудут». Не забывали, на каждой перемене звали громко по этой кликухе, при девчонках, он долго терпел, а тут обида застила свет, выхватил ножичек из кармана и кинулся на обидчика. Что дальше было — не помнит. Забрали в милицию, держали два месяца, а потом суд и сюда. Теперь вот перемена. Родион спокойно ждал своей участи, на новом месте будет тяжело, работать придётся, ребята говорили, наравне со взрослыми, режима он не боялся, драк тоже, если за правду. Только вот как её узнавать, если у каждого своя правда?

Всю группу пополнения отправили на третий этаж большой кирпичной тюрьмы. В камере трое обитателей даже не поздоровались, один встал и молча указал на свободные двухъярусные шконки у самых дверей. Родион сразу закинул свой матрас на верхнюю, чтобы не заводить спор.

— Э-э-э, пацан, а ты что согласный сразу на верхнюю шконку? Не смелый, что ли? — спросил худой и бледный парень.

— Мне наверху больше нравится, — односложно ответил Бывакин.

— Подойди сюда, — это сказал полулежавший на подушках пожилой зек, был он в просторных светлых штанах и расстёгнутой серой безрукавке.

Родион подошёл, мужчина сел на койке, внимательно на него посмотрел:

— Твоя фамилия Бывакин? Был бы в годах, самое подходящее погоняло — Бывалый. Но тебе ещё рано. Имя?

— Родион.

— Родя. Будешь Родя, понял?

— Понял.

— Мне про тебя сказали хорошие люди. Сколько раз в карцере отдыхал? Он у вас по-другому как-то?

— Семь раз, тридцать три дня.

— Уважительно. Меня будешь звать Доктором. Рыжий, своди ребят на кухню, скажи, чтобы покормили. Родя, собери вот это барахло со шконки и унеси под порог, а сам сюда перейди. Ну, это после обеда.

Бывакин хотел спросить, чьё это место, но вовремя одумался: никаких вопросов, если надо — скажут. Но по дороге на кухню Рыжий прогундел:

— Приглянулся ты Доктору, видишь, меня под порог, а тебя к себе ближе. Он любит поперёжных, про тебя ему утром ещё шепнули.

Бывакин ничего не ответил. После чашки тёплой каши и кружки чая на душе стало веселее. Доктор велел застелить постель и лечь спать, Родя лёг поверх суконного одеяла и сразу уснул. Ему приснилась степь, какой он её представлял на уроках географии: ковыль растёт выше колена, волнами колышется, а по этим волнам идёт девушка в цветном халате, идёт прямо к нему. Родион присматривается, но узнать не может, говорит себе, что не наша деревенская эта девчонка, а когда ближе подошла, Родион засмеялся: чужая совсем, смуглая, скуластая, глаза чёрные с прищуром. Остановилась, смотрит на Родиона и тоже улыбается. Он хотел спросить, что это за степь и откуда девчонка тут появилась, но не успел, кто-то тронул его за плечо.

— Что приснилось, Родя, что ты так улыбался, будто по удо освободился? — Доктор подал ему горячую кружку с чаем: — Хлебни пару глотков, это чифир. Приходилось?

— Нет. У нас с этим строго, за чифир сразу в карцер на сутки.

— Пей, я разрешаю.

Бывакин сделал два глотка, вязкая жидкость заполнила рот, язык онемел, голова зашумела. Такого он ещё не пробовал, передал бокал и зажал руками голову.

— Возьми соль на язык, полегчает. Теперь слушай. Будешь при мне. Это я после объясню для чего. Работать станешь только на кухне, это в тепле и всегда сыт. Мне будешь три раза жратву приносить, повара знают. Если кто-то невзначай обидит, даже из вертухаев, скажешь. Ни с кем не базарь, только по делу. Читать умеешь? Вечерами будем с тобой читать вроде как романы, в них интересная жизнь описывается. Я такой жизни не видел, потому любопытно. А сейчас иди, скоро построение на ужин. Никуда не отлучайся, чтоб от переклички не отстать. Пошёл!

Жизнь наладилась, только покровительство тюремного авторитета Доктора было и благом, и наказанием. Доктор сразу предупредил, что рядом с ним и надёжно, и опасно, у него тоже есть враги. Бывакин это быстро почувствовал. От скатившегося со штабеля бревна успел отскочить, но разбил лицо. Доктор ничего не спросил, только кивнул. В другой раз старый хмырь велел принести кусок трубы, Родя случайно заметил, что она под током, пинком сбил кабель. А три месяца назад на кухне появился зек со шрамом через всё лицо, по щеке и на лоб, шрам старый, и когда зек Рваный негодовал, но не мог проявить своих чувств, в себе держал, шрам выдавал его, багровел и надувался. Бывакин не видел, он учуял неладное, и непроизвольно отпрыгнул от плиты, с которой с грохотом свалился котёл с кипятком. Родион вскочил на кучу дров, и волна горячей воды его не достала. Отпрыгнувший в другую сторону Рваный выругался матом и прикрыл шрам рукой, знал, сволочь, что рана выдаст.

— Ты зачем котёл столкнул, подпевала Докторская? Ты меня ошпарить хотел!

Рваный замахнулся, но Родя ловко перехватил руку и заломил её, повалил Рваного в грязь кухни. Дверь распахнулась, и влетели два надзирателя с дубинами, видно, под порогом стояли. От удара дубинкой по спине Родя выгнулся, отпустил жертву и сходу сбил надзирателя с ног. Потом его били дубинками и сапогами, очнулся в карцере, едва разлепил глаза от засохшей крови. Лежал, проверяя

осторожными движениями, целы ли руки, ноги, позвоночник. Везде ждала боль, но он уже умел её переносить спокойно, лишь бы не было переломов. За этим занятием его застали дежурный и врач.

Врач помог раздеться и всё качал головой:

— Как же ты мог сорваться с такой верхотуры? Ты же мог на- смерть разбиться. Тут болит? А тут? Похоже, товарищ капитан, переломов нет. А что с головой? Шумит? Ещё бы! С такой высоты — и остался жив. Это просто чудо. Идти можешь? Пойдём в санчасть. Понимаешь, охрана думала, что ты пьян, и отправила в карцер. Бывает, знаете ли. Пошли.

Бывакин понял, что про верхотуру придумали вертухаи, чтоб не разбираться: упал, разбился, никаких вопросов. Знали, что воспитанный малый, звонить не будет. В санчасти санитар из зеков помог помыться, дал чистое бельё, довёл до постели. Раны и ссадины протёр какой-то вонючей мазью, кое-как перевязал. И тут вошёл Доктор. Санитар исчез.

— Я всё знаю, Родя. Рванный не тебе первому гадости устраивает, он моих людей постоянно гнобит. Но сегодня был перебор. Я запретил тебя трогать. А он ослушался, тронул. Ответит. Тебя хочу похвалить. Ты постоял за себя перед вертухаем, я тут пятый год, за все время третий случай, когда зек ударил это дерьмо. Вся зона будет тебя уважать, а ты будь осторожен, надзиратели могут отомстить. Я говорил сейчас с Хозяином, он обещал предупредить своих. Но это же мусора, ни одному слову нельзя верить. Я сказал, что не дай Бог! — всю зону подниму. Этого они боятся. Ладно, лежи. Будешь долго лежать, я тебе книжки принёс, посмотри.

Никогда у него не было столько свободного времени. Его кормили, делали перевязки, врач учтиво спрашивал, как дела и предупредительно информировал, что выписывать его не собирается, и никто не торопит. Родион не мог найти объяснения, с какой стати авторитетный вор Доктор сделал его своим приближённым и теперь уже открыто защищал перед недоброжелателями. Ведь ничем особым он не отличался от других молодых зеков, были и сильнее его, и лицом красивее. Сам для себя сделал предположение, что Доктора привлекла информация: из детской колонии на зону приходит молодой и непокорный зек, а Доктор, видимо, уважал гордость

и самолюбие. Но это его догадка, а спросить не у кого. Родион понимал, что не просто так пригрозил его Доктор, да он и сам обещал позже всё объяснить. Наверное, вот это имел в виду заместитель начальника колонии для несовершеннолетних, когда предупредил, чтобы не попали ребята под дурное влияние.

Принесённые Доктором книги оказались толкованиями уголовного кодекса, видно было, что Бывакин не первый читатель, на каждой странице он находил подчёркивания, галочки на полях, а то и целые абзацы были обведены жирными рамками. Читиво не особенно интересное, но Родион опасался, что Доктор может устроить проверку, а выглядеть глупо не хотел, потому изучал, особо вчитываясь в отмеченные места.

Поздно вечером пришёл Доктор. В палате никого не было, да и Родион уже задремал, привыкший к свободной жизни. Доктор позвал дежурного санитаря и велел ему погулять с полчаса. Остались одни.

— Родя, я обещал тебе чуть позже объяснить, для чего ты мне нужен. Я давно за тобой слежу, в вашей колонии был мой человек. Он должен был найти паренька серьёзного, надёжного, честного и прямого. Когда он назвал тебя, я узнал твоё дело, понял, что ты мне подходишь, и всё время знал, что у тебя и как. Да, твоей маме я каждый месяц отправляю небольшие деньги, как будто от тебя. Я ждал, когда тебя переведут к нам. И вот мы встретились. Скажи мне, Родя, ты действительно честный и порядочный человек? Именно в том смысле, который заложен в этих словах изначально? Я могу тебе доверять полностью и до конца? Не спеши. Это очень важно.

Бывакин молчал, дожидаясь следующего вопроса.

— Ну, говори.

— Вы можете мне верить, я сделаю всё, что вы прикажете.

— Этого достаточно. Если ты меня обманешь, я повторю тебе эти слова перед тем, как убить тебя. Но — это крайность, до которой, я уверен, дело не дойдёт. Слушай внимательно. Этот город (он написал на клочке газеты название, дал прочитать и тут же сжёг) ты знаешь хорошо, потому запомни улицу (написал: «Заслонова» и сразу сжёг). Там есть гаражи, со входа вправо седьмой

Ольков Николай Максимович

Родился в 1946 г. в селе Афонькино Тюменской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Автор двух десятков повестей, многих рассказов. Произведения печатались в журналах «Подъем», «Берега», «Новая Немига» (Беларусь), «Бийский вестник». Книги издавались в Москве, Кургане, Омске, Вологде, Екатеринбурге, Тюмени. В Беларуси в издательстве «Четыре четверти» в 2024 г. вышла книга «Чистая вода».

Отдельные произведения отмечены всероссийскими премиями, в том числе «Имперская культура» и имени В. И. Белова.

Живет в селе Бердюжье Тюменской области.

